

Гринкевич С.А., учитель

История исчезнувших деревень

Есть на лысьвенской земле «болевые точки» - места безвинных страданий и мученической смерти сотен людей. Люди старшего поколения помнят зловещие слова «спецпоселок», «спецконтингент», «раскулаченный», «ссылнопоселенец», «сто первый километр», «лишенец».

Испросив благословение у протоиерея лысьвенской церкви Иоанна Богослова отца Аркадия, мы приступили к сбору материала о местах массовых репрессий в окрестностях Кына. Тема возникла неслучайно: многие из жителей станции Кын ведут свою родословную от высланных сюда в тридцатые годы раскулаченных. Поиск велся по нескольким направлениям: мы опрашивали старожилов и жителей поселка, искали информацию в городском архиве, изучали доступную литературу. Так всплыли из глубин прошлого названия Мишариха, Вынырок, Рябиново...

Вспоминает Стежина (Гроза) Людмила Николаевна.

«Родители мои были из раскулаченных. Отец родом из Молдавии, из Приднестровья, а мама из Ростовской области. В их семье было тринадцать детей. У старших братьев уже были свои семьи, и все они со своими семьями жили вместе со старыми родителями в одном доме. Хозяйство было большое: пять коров, несколько лошадей, птица, мелкий скот. А если бы разделить, то каждая семья стала бы беднячкой. Раскулачили их в 1929 году. Сначала направили всех в Коми-Пермяцкий округ на валку леса. Жили в землянках, которые сами же и вырыли. Родители вскоре умерли, а дети разбежались кто куда, старались пробраться на родину в Ростовскую область. Моя мама осталась с сестрой тетей Олей. Было ей 14 – 15 лет. В лесу работали они вместе со взрослыми.

Когда в Краснокамске начали строить бумажный комбинат, молодежь с лесоповала направили туда на строительство. Строили его несколько лет, а когда пустили в действие, всех раскулаченных оттуда убрали. Говорили, что они, как враги народа, могут организовать диверсию. Пока строили комбинат, не могли сделать диверсию, а когда построили, так сразу и смогли бы. Там, на стройке, познакомилась мама со своим будущим мужем, моим отцом.

Развезли строителей по спецпоселкам: кого в Вынырок, кого – в Мишариху, кого – в Рябиново. Поехали мои родители в Вынырок, когда там уже был поселок, в 1938 году. Работали они на лесоповале. С лета и до весны – заготовка леса на берегах реки Кумыша, а весной – сплав бревен по высокой воде. Штабеля сталкивали в воду вручную, работа опасная: чуть зазевался – и убить может. А когда все штабеля сбросят, идут по берегу к устью речки, и те бревна, которые на берег выбросило, сталкивают обратно в воду. Внизу в устье Кумыша была построена запонь – боновые заграждения для задержки леса. Оттуда уже бревна спускали в Чусовую. Порядки были очень строгие. Если мать не вышла на работу, детей выгоняли из яслей домой. Помню, приходили иногда посылки из Молдавии. В них были сушеные фрукты и кукурузная мука. Для нас - небывалое лакомство. В Вынырке был колхоз – тоже из раскулаченных, но колхозники жили лучше, чем рабочие на лесозаготовке. Колхозникам были разрешены огороды, а нам огороды не полагались, земля под них не отводилась. Картошку и овощи приходилось сажать на вырубках между пеньков. Лесозаготовка велась в нескольких километрах от Вынырка, ночевали рабочие в бараках, построенные ниже по течению Кумыша в деревне Вотолينو. Там в двадцатые годы жила семья лесного смотрителя. Следил он с вышки за лесными пожарами. Однажды нашли его и его жену убитыми. Пришли к ним какие – то разбойники и, по слухам, пытали, где они золото спрятали. В тридцатые в Вотолينو стояли два барака для рабочих. Были бараки и в Усть –Кумыше.

С началом войны отца угнали из семьи в трудармию заготавливать лес по реке Чусовой. Мы в первую военную зиму заболели всей семьей, лежали в доме с высокой

температурой и не могли встать. Знакомые через попутного возчика передали весточку отцу. Он пошел к своему начальнику отпрашиваться, а тот ни в какую не отпускает. Тогда отец ушел самовольно, одолел пешком тридцать километров и пришел домой. Тут его и арестовали, увезли в лысьвенскую тюрьму. Спас отца врач Проценко. Он написал справку о том, что вся семья болела дифтеритом. Отца и отпустили. Всю войну провел он на лесозаготовке вдали от семьи. Так и росла я при живом отце безотцовщиной.

Сама я была маленькая, но отчаянная. Вечно мне от мамы доставалось. Однажды, когда, училась в третьем классе, я побила в школе комендантского сынка. Явился к нам сам комендант Денисенко, здоровенный, злой. Пришел меня бить. Я успела залезть на шкаф и забилась в дальний угол.

- Слезай! – командует, а я в ответ:

- Зачем?

- Драть тебя буду!

- Если достанешь, побьешь! А если не достанешь?! – сама еще дальше в угол вжалась.

Посмотрел он на меня, на своего сына:

- Ты этой мышки боишься?

И как даст подзатыльник своему сыну.

В 1947 году появились новые деньги. Тут и отец вернулся из трудармии. В этом же году раскулаченных простили и восстановили в правах. Кто-то уехал, но большинство осталось в поселке, успели прижиться или некуда было возвращаться. Остались и мы.

В эти годы я бывала в Усть-Кумыше. Деревня уже пришла в упадок, осталось там три дома, но был еще двухэтажный барак для рабочих. Там они жили во время лесосплава..

После войны появилась техника: трактора и грузовики. Вся техника была газогенераторная. Работала она не на бензине и солярке, а на березовых чурках.. Сзади к трактору был приделан газогенераторный бункер. Туда загружали мелко порубленные березовые чурбачки и поджигали их. Газы от котла шли в двигатель. Тогда существовала особая статья лесозаготовки: газогенераторная чурка.

В 1952 – 1954 годах недалеко от Вынырка стали строить поселок Талка. Был он заложен в четырех километрах от Вынырка по дороге а сторону Кормовища. Там течет речка Талка, впадающая в Кумыш. Строили его вербованные из Калужской области, а может, это были и сосланные. Во время войны немцы угоняли их целыми деревнями в Германию. Когда после войны они вернулись в Калужскую область, на месте деревень ничего не осталось, все было сожжено. Чтобы построиться, нужны были деньги. Вот они и поехали рубить лес на Урал. Жили они в поселке Бутон на реке Сылвице, а у нас построили поселок Талку. В 1954 году Талка была уже достроена, люди жили и работали, а в 1956 году враз всех выселили и поселок закрыли. Дома разобрали и увезли, что в Кормовище, что на станцию Кын. В этом же году закрыли и Вынырок. У нас не спрашивали, хотим ли мы остаться. Уезжали из Вынырка без охоты. На старом месте уже обжигались, а как еще сложится жизнь на новом месте? И зачем все закрыли? Кому это в голову пришло?

Прошло полстолетия. В одиночку и семьями приезжают сюда старики из разных концов страны, привозят своих внуков и правнуков, ищут друзей, односельчан. Свежий след «Нивы» на глине значит, что недавно кто – то снова приезжал...

В Лысьве живет традиция ставить памятные кресты на местах исчезнувших деревень и сел. Идея принадлежит известному журналисту и писателю Г.В.Вершинину. Мы решили внести свою лепту в это благое начинание. В мае 2007 года мы обратились к А.Л.Гончарову, тогда еще кандидату на должность мэра, и получили его одобрение и обещание помощи. В июне-июле удалось изготовить десять четырехметровых крестов, а в августе состоялся первый выезд на места исчезнувших деревень.

День выдался ветреный, капризный. То грело солнце, то налетала туча с северо-запада с секущим холодным дождем. Вездеход УАЗ, ныряя в колеи и промоины, хлебал глину, приближая нас к первому пункту, бывшему поселку раскулаченных Мишарихе. Слева

осталась пологая гора Гудырь, на которой, по рассказам старожилов, в прежние времена стояла пожарная вышка. Обзор с Гудыря километров на шестьдесят, до Баранчи. Спелый лес в округе вырублен, лишь на склоне горы торчит щетка старого осинника, не прельстившего в свое время лесорубов. За очередным поворотом открывается вид на обширные поля. Это и есть Мишариха, где к началу 1950-х оставалось еще 6 крестьянских дворов. Сама речка, давшая название поселку, течет ниже дороги в логу. А здесь первая находка. След былой жизни – огромный мельничный жернов, лежащий на обочине. Девочки с восторженным ойканьем бросаются на малину, кусты которой нависают прямо над дорогой, парни молча ринулись за грибами, но быстро опомнились. Их вокруг столько, что интрига поиска враз пропала. Дальше дорога непроходима для нашего транспорта. После разведки пути ребята взвалили крест на плечи – и вперед по глинистой колее. А вот и сама речка. Когда – то через нее был переброшен капитальный мост, сваи от которого сохранились выше брода. За рекой на пологих склонах раскинулись обширные поля: в ширину с километр и не менее двух километров длину. За полями на горе, по рассказам старожилов, было кладбище. А на склоне, ближе к речке, угадываются места бывших усадеб по крапиве и дурному бурьяну, вечным спутникам человеческого жилья. Еще лет десять назад эти поля косил кыновской колхоз «Мир», страдавали здесь и частники из Кына. Но рухнуло в колхозе животноводство, резко сократилось поголовье скота у жителей села и богатейшие травяные угодья стали ненужной обузой. Кыновлянам хватает покосов и в ближайшей округе. А травы такие, что красный клевер ноги стреноживает, метелки ежи секут по лицу. Пробираемся по невесть откуда взявшейся тропке. Батюшки! Да это же медвежья тропа! То и дело попадаются куски выдранного дерна со следами когтей. Когда – то лысьвенское охотхозяйство заседало здесь небольшие поля овсом для привады медведей. Охотники на царскую забаву приезжали даже из Австрии, сторожили медведей «на овсах». Памятлив зверь. Тропу проложил к местам прежних посевов – вдруг и нынче там лакомство вырастет.

Место для креста выбрали на пригорке. Когда – то здесь стоял дом, горевали и радовались люди, дети бегали к речке за черемухой. Стонет ветер, сечет дождь из плоских арктических облаков, солнечные лучи, как прожекторы, минутно ослепляют мокрую зелень. Встал над местом народных страданий православный крест с надписью «Здесь был спецпоселок Мишариха». Летят в небо слова поминальной молитвы: «Со святыми упокой, Христе, души раб твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни вздыхание. Но жизнь бесконечная...» Господи, услыши нас!

Второй крест ставим на месте деревни Мягкий Кын, километрах в четырех от станции. По данным архивного отдела в военные годы здесь жило около 200 человек, а под закат своей истории, в середине восьмидесятых, не более 30.

Дорога пролегает под камнем Орел с пещерными выходами на высоте, по каменистому руслу быстрой речки. Русское ралли! Машину кренит с борта на борт, брызги веером из – под колес. А то и летим! Секундная невесомость, за которой следует жесткое приземление. В советское время примерно так готовили космонавтов, Белку и Стрелку... Наш шофер Дима Кашин невозмутим, как и подобает тренеру сборной. Перед нами трясется и плюется грязью чей- то УАЗик.

С вершины пологого увала открылся вид на Мягкий Кын. Кое – где еще стоят разоренные срубы, остов фермы с провалившейся крышей, как гнилые зубы в старческом рту. УАЗик остановился у кладбища. Кто-то из кыновлян приехал проведать своих. Окрестные поля выкошены, сено сметано в островерхие копны. Еще в восьмидесятые годы деревня была жива. Несколько лет назад пытался обосноваться здесь то ли фермер, то ли любитель одиночества. Отремонтировал дом, прожил лето, осень, да и съехал навсегда. Зимняя лютая стужа, тьма, полная отрезанность от цивилизации не по силам современному человеку. Вот бы где передачу «Последний герой» снимать.

Во время установки креста мы поняли, почему место названо «Мягкий Кын». Почва – чисты суглинок без единого камня. Почти метровую яму выкопали за считанные минуты. А камни для укрепления креста пришлось везти из русла реки.

Лень заметно клонился к вечеру, когда мы добрались до третьего места: бывшей деревни Песьянки. От нее до станции километра три. И снова поражаемся красоте. Умели предки выбрать место для жизни. Не только удобство, но и красоту ценили. Пологие зеленые угоры сбегают к реке, вокруг пышный ельник, горизонт далеко открыт на юг – значит, место солнечное. На месте деревни – покосы, копны сена. На стожарах соколы – пустельги сидят, мышей в отаве высматривают. Ставим крест на месте бывшего жилья и направляемся ко кладбищу. Сколько поколений земляков лежит здесь? Среди деревянных крестов выделяется железный памятник лысьвенскому рабочему Усталову, разведчику-красногвардейцу, погибшему в 1918 году. Памятник расстрелян – не колчаковцами, а современными вандалами. В гражданскую войну шли здесь бои, за деревней еще сохранилась линия старых окопов.

Исчезла Песьянка а семидесятые, когда шло брежневское укрупнение деревень. Жители переехали на станцию Кын.

Десятью днями позже был установлен крест на месте деревни Кирпичной на берегу Чусовой. Поездку туда организовал предприниматель Николай Григорьевич Кашин, а участвовали в ней его сыновья Андрей и Дмитрий и отец Григорий Севастьянович, уроженец Песьянки. Это на его усадьбе, оказывается, мы установили крест в Песьянке. В красном углу его старого дома, где иконы стояли.

В утреннем тумане лодка отчалила от кыновской пристани. В этом году лето выдалось дождливым. Вода в Чусовой стояла выше обычного уровня. Перекаты мы прошли без осложнений. В солнечных лучах таяли клочья тумана, открывая красавцы- камни Воробей, Великан, Печка, а вот и Кирпичный, будто сложенный из гигантских серо-желтых кирпичей. Утром на реке хозяева рыбаки. Туристы еще спят в своих разноцветных палатках. Зато часам к двенадцати Чусовая напоминает загородное шоссе. Плывут по ней караваны катамаранов с семейными туристами, неповоротливые плоты из камер, надувные лодки, стремительные байдарки. Длинные плоскодонки местных жителей теряются в этом потоке. Напрасно будете искать здесь тишины и уединения. Когда – то крестьянская и заводская река – труженица превратилась в реку массового отдыха. Сначала исчезли с ее берегов заводы и пристани, потом деревни и села превратились в покосы, на которых колхозники появлялись дважды в году: заготовить сено летом и вывезти его зимой, а сейчас и покосы на месте древних сел зарастают мелким лесом. Вернутся ли сюда русские люди хлеб растить, детей рожать? Или канула Русь крестьянская безвозвратно, как Атлантида, в бездну времени?

На месте деревни Кирпичной – покосы Игоря Югова, крепкого кыновского хозяина. И лошадей, и коров держит, да еще управляет небольшой лесопилкой, дает работу двум десяткам трудяг – мужиков. Ставим крест на склоне у березы, чтоб и с реки было видно, и косьбе он не мешал, а сами поднимаемся выше к бывшей деревне Кисели.

...Стояла на пойменном лугу деревня с ладным названием Веселый луг. Как-то незаметно переменяла она свое имя на Кисели. Дети в школу на лодках плавали в ближнюю Усть - Серебряную, зимой по льду Чусовую переходили. Зато во время ледохода - ежегодные внеплановые каникулы. Исчезла деревня в семидесятые. Здесь уже ожидали нас Андрей и Дмитрий Кашины. Расстояние до Киселей преодолели они на мотоциклах по старой дороге от Кына. Спрятав в кустах мотоциклы, уместились парни в лодке, и хорошо отлаженный мотор довез нас до Усть- Серебряной. Место славное, историческое. Вот по этой реке четыреста лет назад струги Ермака на покорение Сибири шли. В девятнадцатом веке нашли по Серебряной золотые россыпи. Еще в восьмидесятые XX века работала в верховьях реки драга. А в послевоенные сороковые – пятидесятые велась здесь добыча алмазов, прекратившаяся только с открытием более богатых якутских кимберлитовых трубок. Совсем недавно в Кыну живы были старики – шурфовщики с той

алмазной добычи. Подняв лодку бечевой вверх по Серебряной, карабкаемся на крутые горы. Здесь сохранились еще от вырубки сосновые боры – брусничники. В Кын вернулись с последними лучами солнца. И дело сделали, и брусники набрали.

Следующая цель – Вынырок. Не так – то просто попасть туда. За помощью мы обратились к директору Кыновского леспромхоза Петру Андреевичу Штейникову и не встретили отказа. Следует отметить, что все. К кому мы обращались за содействием, относились к нашему проекту с деятельным сочувствием. Леспромхоз планировал послать в те места своих работников для разведки участков под рубку будущего года. С ними – то мы и отправились в поездку.

На дворе октябрь. Позднее бабье лето. КАМАЗ – вездеход быстро преодолел километры бетонки и свернул на старую грунтовую дорогу, построенную в тридцатые – сороковые годы раскулаченными. Дорога сделана на совесть: подушка отсыпана крупным известняком, дорожное полотно – глина с гравием. Вдоль всей дороги пройдены кюветы. На местах ручья и весенних водотоков когда – то были мостики, а теперь промоины. Две из них уже кто – то завалил бревнами, и машина преодолела их легко, а на третьей промоине встали. Ребята взялись за инструменты. Кому березки рубить, кому бревешки в промоину таскать, и лопатой и ломиком пришлось поработать. Наш водитель Сергей Чугайнов сердито покрикивал: «Пушисто кладете! Продавит машина вашу лежневку, на руках выносить будете!» Выносить на руках КАМАЗ нам не улыбалось. Ветки у берез обрубали и уложили бревна «не пушисто», а плотно, сверху камнями придавили, грунтом присыпали. Прошел КАМАЗ! Минут через пятнадцать машина домчала нас до Вынырка.

Река Кумыш в верхнем течении ничем не примечательна. Обычная уральская речушка, каких сотни. Но ниже умирающей деревеньки Кумыш ныряет в воронку (нырок) и более десяти километров течет под землей в карстовой депрессии. Выныривает река из – под замшелого известнякового обрыва несколькими мощными ключами и несется по корытообразному руслу к Чусовой, вбирая в себя встречные ручьи. Недалеко от вынырка сохранились остатки деревянной плотины. Здесь когда – то была колхозная электростанция, по плотине шла дорога. Сам поселок Вынырок, где в конце сороковых оставалось еще 30 хозяйств, лежал на возвышенном левом берегу. Вокруг – просторные поля, с некошеной уже несколько лет травой. Окультуренная почва продолжает вновь и вновь отдавать травам когда – то вложенное в нее человеческим трудом плодородие. Памятный крест мы установили несколько выше ключа - вынырка. В земле нашли необычные самолепные кирпичи, плотные, розовато-желтые, не разрушившиеся за пятьдесят лет от дождей и морозов. Кладбище, на котором похоронены безвинно погибшие люди, лежит на правом берегу. Упокой, Господи, душу усопших раб твоих, zde лежащих и повсюду православных!

...КАМАЗ несет нас к следующей цели – умершей деревне Усть-Кумыш. На два десятка километров по обе стороны дороги стоят молодые осинники и березняки. Весь спелый лес вырублен. Пару раз перелетели дорогу рябчики, да раз вспугнули глупыша – тетерева. Долго летел он впереди машины, руля лировидным хвостом, пока не догадался свернуть в сторону. Но вот дорога нырнула в глубокий лог, и нас обступил роскошный старый лес. Особенно хороши были огромные напряженно изогнутые лиственницы высотой метров двадцати и возраста не менее ста пятидесяти лет. В голубом октябрьском небе ярко желтели их сквозные кроны. Близ своего устья речка Кумыш пробилла когда – то ворота в скальной гряде. Высятся по обе стороны от русла могучие известняковые останцы. В Ом, что справа, виден вход в пещеру. Над утесами медленно парит хищная птица: светло-серый силуэт с белыми полосами на крыльях. Скопа! Редчайшая рыбацкая птица Пермского края. Значит, гнездятся они еще в наших местах. Машина взлетает на угор и вот она – Чусовая! На этих луговинная стояла старинная деревня Усть - Кумыш, о которой по заводам шла недобрая слава. Мол, живут здесь сущие разбойники. Ниже деревни на реке стояли самые опасные для сплава камни – бойцы. Ежегодно бились о них барки с заводскими грузами. Один из камней кумышанской гряды зовется Кликунчиком По

преданию, выходили на ровную площадку на этом камне кумышанские девушки в красных сарафанах, песни пели, плясали, платочками зазывно махали бравым парням – сплавщикам. Заезает кормчий, отвлечется на минуту и налетает неповоротливая барка на каменный таран ниже стоящего бойца Разбойника. Тут выплывают на лодках мужики и начинают грабить. Сейчас река пустынна. Сезон туристского сплава закончился. Лишь двое рыбаков – харюзятников бродят с удочками по пояс в холодной воде переката.

В послевоенные сороковые – пятидесятые Усть-Кумыш жил лесосплавом. Работали здесь, кроме коренных жителей, ссыльные, отбывавшие свой срок в лагерях. В хрущевскую оттепель ссылку амнистировали, крестьянам дали паспорта, а в семидесятые молевой сплав по рекам был запрещен. Деревня умерла. Ставим крест на пригорке над заросшими огородами и покосами. Вечная память!

Вот и закончился еще один этап нашей экспедиции. В планах установка крестов на месте спецпоселка Рябиново, старых кержацких деревень Капиданы и Петровичи. Еще живы в Кыну уроженцы этих мест, надо успеть записать их воспоминания. Ждет исследователей история старообрядчества наших мест. А летом снова на Чусовую!

Участник проекта: Сергей Алексеевич Гринкевич – учитель Кыновской СОШ № 65, Алексей Популов, Наталья Елохова, Анна Копылова, Андрей Бочкарев, Андрей Кашин, Михаил Тысячин, Алексей Гринкевич, Виталий Сыма, Игорь Наговицын – ученики Кыновской СОШ № 65.

Мы благодарны П.А.Штейникову, Н.Г.Кашину, С.Д.Гаязову, П.А.Тимохину, Д.Н.Кашину, С.Чугайнову, Л.В.Дылдиной за оказанную нам моральную и материальную помощь. Низкий поклон Красовитовой Раисе Алексеевне, Юдиной Надежде Алексеевне, Гроза Марии Тимофеевне, Паршакову Михаилу Михайловичу, Стежиной Людмиле Николаевне и всем, пережившим время сталинских репрессий.

Вечная память безвинно погибшим!